

И ВОТ, через тридцать лет, когда ситуация и в кино, и в театре изменилась, вышло так, что Герман решил вернуться "на родину" - в театр. В нем произошла перемена, так сказать, участи...

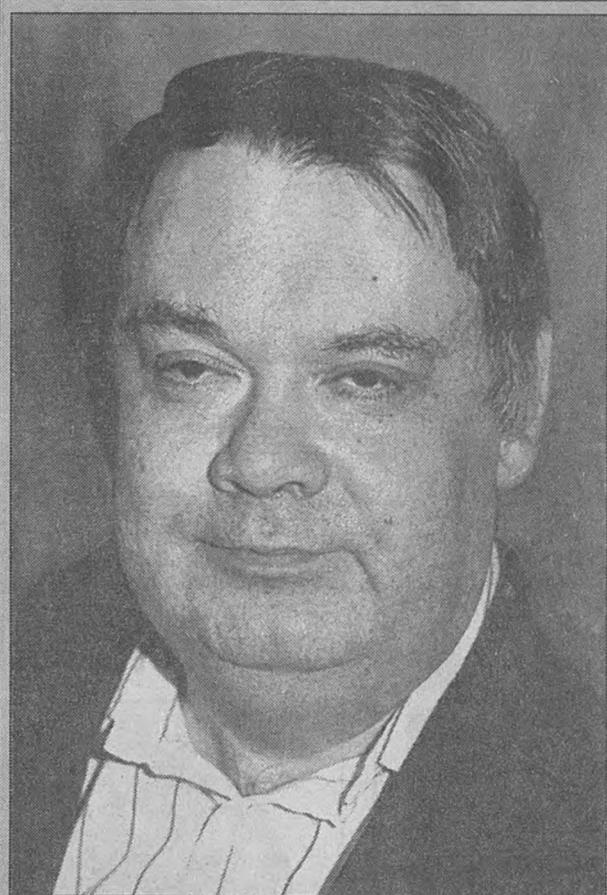
Первое, что пришло в голову, когда прозвучала эта новость - из-за длительных простоев Герман решил поставить "на театре" сценическую версию "Хрусталева", обратив в пьесу одну из сюжетных линий своего киноромана.

Ни для кого не секрет, что "Хрусталева" снимается уже пятый год. Герман показал по телевидению несколько отрывков, заявив ими, что будущий фильм будет очередным шедевром. А чтобы в паузах не предаваться унынию, решил вернуться к театру.

- На самом деле я чувствую себя авантюристом! Я не могу конкурировать с Додиним, с Фоменко, с Ефремовым, но все равно в последние годы меня стало тянуть обратно. Может быть, к старости, может быть, что-то я стал в нем понимать. А может, просто захотелось работать там, где тебя будет кто-то смотреть. Но ужас в том, что тридцать лет работы в кино дают о себе знать - я перестал мыслить театральными категориями! Меня всегда смущало, как человек в валенках ходит по сцене. Какая-то в этом есть дикость. Меня смущало то, как человек на сцене громко разговаривает. Как можно громко разговаривать и оставаться при этом правдивым? А когда я недавно посмотрел спектакль Додина "Вишневый сад", вообще растерялся! Не смогу я так построить сцену! Не смогу я так все разложить! Поэтому оставалось только одно - написать спектакль. Не пьесу, а спектакль, это совсем другое искусство.

Как кинематографист, с одной стороны, и человек пишущий, с другой, я в состоянии сделать какую-то смесь, которая может оказаться новой и интересной. Вот как родилась эта идея. И то, что я скромничаю сейчас, при всех своих титулах, - это искренне: я залезаю в чужой огород. Вторгаюсь в область, где у нас существуют довольно могучие мастера. Я привык к кино. Это, прежде всего, искусство крупности. А театр - это искусство чего-то совсем другого. Чего - я еще не сформулировал. Здесь, в кино, я уже сформулировал, а там еще нет. И именно поэтому, может быть, что-то и получится.

Кинематограф в нашей стране идет от Агитпропа. До революции, когда его и за искусство еще никто не считал, в нем что-то было. А потом он оказался на вооружении у партии. Так что мы, кинематографисты, генетически не являемся людьми искусства. Мы можем ими стать, а можем и не стать. В театре - наобо-

Театральный режиссер по образованию, ученик Товстоногова Алексей Герман "вырос" в БДТ. Там он с малых лет принимал посильное участие в спектаклях - "бренчал бубенчиками", "стучал копытами", появлялся в массовках и т. д. Вместе с ним подобным образом начинали свою деятельность и Сергей Соловьев - мало кто знает, что он из Ленинграда, и Михаил Козаков... Но, познав театр изнутри и закончив в театральном режиссерском курсе у Товстоногова, Герман все-таки театр покинул, до сих пор гордясь, что Большой Босс долго уговаривал его остаться. Но жизнь взяла свое. Объявив, что в БДТ есть только один режиссер - Товстоногов, честолюбивый и жадный до собственной славы юноша решил уйти. И ушел так далеко, что даже в свои тяжелые годы, будучи уже зрелым мужем, не отозвался на предложения о работе ни на Таганке у Эфроса, ни у Ефремова во МХАТе. По-видимому, основной причиной его "измены" театру была пылкая любовь к кино.

рот. Он вырос из скоморошества, а скоморошество уходит своими истоками в религию, в большей степени - в язычество. Скоморохам рвали языки, скоморохов наказывали, их преследовали... Они, что, нормальной жизни не могли себе найти? Могли, но прежде всего они не могли не играть!

И в этом театральном проекте я как раз и хочу показать людей, которые не могут не играть. Вместе со Светланой Кармалитой мы сделали такую историю, которая позволит уйти и от тех самых валенок на сцене, и от громких разговоров в психологических диалогах. А с другой стороны, эта история даст возможность великим актерам БДТ сыграть то, чего они никогда в жизни не играли и играть не будут. Все, что угодно, - от девочки до Гамлета... Эта вещь в некоторой степени комедия дель арте и будет строиться на актерской импровизации. Мы придумали только костяк, основной сюжет, а дальше должно быть много-много разных микрореспект.

СЕЙЧАС я с большим огорчением вижу, что место кино в общественной жизни общества пустует. Идет не кинопроцесс, а личная переписка молодых режиссеров друг с другом. И это, как ни странно, никого не тревожит... Мой сосед по даче сварщик Иван Гончаров как-то сказал: "Леша, мне все равно, под какой из ваших фильмов спать у телевизора. Я знаю две хорошие картины - "Председатель" и "Живые и мертвые", особенно - первая серия". Он неправильно сказал? Народа коснулись только две этих картины. Может быть, еще "Белорусский вокзал", сильно искалеченный цензурой. Великий Тарковский народа не коснулся...

Кончилось время, когда мы переживали на наших фильмах. Я уже забыл, когда плакал в кино, при том, что поплакать я охоч. Какое настоящее кино без слезы? Куда все это делось?!

Поэтому моя мечта - заняться той профессией, а не этой. Могу сказать без кокетства, что, в принципе, в кино я существую только за счет своего интересного материала. Если бы я этим не защищался, то меня бы давно смяли, меня бы уже не было. Так - всю мою жизнь... При большевиках - то же самое. Они тоже уважали хороший материал. Глумились надо мной, закрывали, смеялись, но терпели, давали работать...

А сейчас этот красивый белый конь под названием кино стал никому не нужен. Может, когда-нибудь все и наладится, но, видно, не при моей жизни. Скажем так, красиво: мы потеряли доверие населения. И пускай мне не врут, говоря обратное!

Алексей ГЕРМАН